

Ольга Владимировна Хаванова

Доктор исторических наук, заместитель директора, Институт славяноведения РАН, Москва, Россия. 119334, Ленинский проспект, 32А. E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

Опыт создания первых грамматик в монархии Габсбургов: частная инициатива и регулирующее вмешательство государства (1760–1770-е годы)

Вторая половина XVIII в. стала для венского двора временем выработки языковой политики по отношению к этнолингвистическому многообразию населения подвластных Габсбургам земель. С одной стороны, сфера применения немецкого языка расширялась, охватывая все новые сегменты администрации, образования и культуры. С другой стороны, во властных институтах утвердилось понимание того, что языки и наречия народов, населяющих Австрийскую монархию, являются одним из основных коммуникативных инструментов, через который распоряжения властей разных уровней доводятся (в том числе) до малообразованных слоев населения. Следствием этого стала подготовка реформы начального образования, одной из провозглашенных целей которой было получение навыков чтения, счета и письма для всего населения независимо от социального положения, национальности (родного языка) или вероисповедания. Параллельно с направляемой из центра государственной политикой в сфере образования и языка сами подданные, как имевшие специальные познания в языках, так и полиглоты-любители, активно включились в процесс написания грамматик, призванных облегчить межязыковое общение немцев и венгров, сербов и немцев и т.д. В статье рассматриваются примеры подобных изданий, особое внимание уделяется соотношению частной инициативы и государственной политики, механизмам верификации предлагаемых к публикации учебников, их содержанию и потенциальной читательской аудитории. Делается вывод о важности интеграции автора в патрон-клиентские отношения при дворе и во властных институтах и все более целенаправленном регулирующем вмешательстве властей в процесс отбора и финансирования учебников в зависимости от их соответствия насущным целям и задачам государственной политики.

Ключевые слова: Михай Адами, Иоганн Венцель Поль, Захарий Орфелин, императрица-королева Мария Терезия, венский двор, языковая ситуация, патронат.

Владения Австрийского дома (Австрийскую монархию) в середине XVIII в. населяли народы, говорившие на немецком, чешском, венгерском, итальянском языках; усилиями просветителей-патриотов, не в последнюю очередь из числа учителей и младшего духовенства, западно-, восточно- и юго-славянские наречия вступали на путь превращения в литературные языки — словацкий, русинский, словенский, сербохорватский; румынский язык стараниями блюстителей его античной чистоты избавлялся от церковно-славянских заимствований, обретая все большую схожесть с латынью. Космополитичный венский двор говорил не только на немецком, но и на французском, итальянском, в дипломатической сфере — на латинском, а в память о покойном императоре Карле VI (1711–1740 гг.) — также на испанском. Понимание того, что родной язык подданных — надежный канал, по которому можно доводить до их сведения монаршую волю и формулировать программные требования власти¹, лежало в основе школьной реформы как в этнически и лингвистически достаточно гомогенных Чешско-Австрийских наследственных землях (1774), так и Венгерском королевстве (1777), где начальное образование в идеале стало возможным получить на одном из семи языков и наречий.

Запрос на межъязыковую коммуникацию рождал предложение учебников и разговорников, по которым можно было бы постичь основы одного из языков народов, населявших владения Австрийского дома, приобрести навыки общения, научиться понимать небольшие рассказы поучительно-развлекательного характера. В статье рассматриваются примеры взаимодействия авторов учебников и их патронов или заказчиков в лице центральных органов власти и опосредованно — самого монарха. Предстоит выявить черты, из которых складывается коллективный портрет просветителя-подвижника², понять закономерности, предопределявшие успех или неудачу издательского проекта, очертить целевую аудиторию, ее социальный профиль и языковые запросы.

¹ Melton 1988.

² Khavanova 2011.

Венский двор и языки

Языковая политика венского двора во второй половине XVIII в., ее дух и конечная цель не сводимы к декретам Иосифа II (1765/1780–1790 гг.), попытавшегося в 1784 г. ввести немецкий в качестве единственного языка в публичной и правовой сфере всех подвластных ему земель. В предшествующие десятилетия при Марии Терезии (1740–1780 гг.) было сделано немало для свободного развития языков и наречий, на которых говорили ее подданные. Само собой подразумевавшееся социальное и культурное превосходство немецкого, на котором говорили и которым владели привилегированные сословия, не подменяло необходимость изучения языков местных элит и развития наречий, на которых говорили низшие или социально неполноправные слои населения, до уровня, позволявшего понять требования декретов центральной власти или обучаться полезным профессиям. Если во Франции придворные, по точному наблюдению М. Э. Мотли, сделали для развития французского языка не меньше писателей, превратив его в инструмент галантного, ученого, риторически остроумного общения³, то венский двор внес в развитие языков во владения Австрийского дома вклад не меньший, чем писатели, выступая заказчиком и спонсором первых грамматик и разговорников, поощряя в образованной в силу рода деятельности чиновничьей среде стремление к просветительству, написанию учебников и пособий на известных им языках.

Австрийские филологи давно ставят вопрос о познаниях членов Австрийского дома в языках. Источниками им служат как учебные планы, составлявшиеся для эрцгерцогов, так и собственноручно написанные Габсбургами тексты на разных языках или метаязыковые комментарии о степени владения языком и языковых компетенциях, будь то самооценки или отзывы сторонних наблюдателей⁴. В силу более тесной интеграции Австрийских и Чешских земель и внушительного представительства чешской аристократии при дворе и во властных институтах, Габсбурги, если и учили языки подвластных им центральноевропейских народов, то выбирали чешский, гораздо реже — венгерский, и практически никогда — югославянские

³ Motley 1990: 70.

⁴ Tanzmeister, Uttenhalter 1993: 52.

наречия (только Максимилиан I (1493–1519 гг.) немного говорил по-словенски). Изучение основ венгерского языка дядей и отцом Марии Терезии — императорами Иосифом I (1705–1711 гг.) и Карлом VI — было, по всей вероятности, символическим жестом в адрес мятежной венгерской аристократии, и этот факт следует рассматривать в контексте антигабсбургских восстаний XVII в. и масштабной Освободительной войны под предводительством Ференца II Ракоци 1703–1711 гг. Мария Терезия не говорила ни на чешском, ни на венгерском, однако включила эти языки в учебные планы своих сыновей⁵. Тем самым она изменила образовательную парадигму правящего дома, заложив традицию, которая просуществовала до последних дней Австро-Венгерской монархии (будущего императора Франца Иосифа (1848–1916 гг.) в детстве обучали венгерскому языку, о чем свидетельствуют ученические тетради с выполненными домашними заданиями⁶).

Считается, что основы венгерского языка наследнику престола Иосифу преподавал будущий член Государственного совета Йозеф Изденци (1733–1811), хотя в источниках нет упоминаний о том, чтобы император когда-либо говорил по-венгерски. Чешским языком с ним занимался преподаватель дворянской военной академии Иоганн Венцель (Ян Вацлав) Поль⁷. Барбара Штоллерберг-Рилингер в новейшей биографии Марии Терезии справедливо заметила, что речь шла не о свободном владении языком, но о символическом жесте, церемониальной инсценировке, адресованной сословиям⁸. Это обстоятельство вдохновило практикующих преподавателей языков, имевших хождение в Габсбургской монархии, на создание учебников, прежде всего для юных придворных, и шире — всех желающих.

⁵ Tanzmeister, Uttenhalter 1993: 65.

⁶ Szili 2019: 43–44.

⁷ Berger 2000: 61. Австрийские филологи Р. Танцмайстер и Г. Уттенхальтер в качестве возможного объяснения, почему 13-летнего эрцгерцога начали учить чешскому языку, назвали сближение между венским и Санкт-Петербургским дворами (попутно ученые спутали российских императриц Елизавету I и Екатерину II), но это объяснение кажется наименее правдоподобным. См.: Tanzmeister, Uttenhalter 1993: 60.

⁸ Stollberg-Rilinger 2018: 466.

«Венгерская грамматика» Михая Адами

Историки и филологи по-разному подходят к оценке ранних попыток кодификации национальных языков. Языковеды подчеркивают несовершенство первых грамматик, авторы которых — порой далекие от литературного труда патриоты — стремились таким образом выразить любовь к родной стране, нации, ее языку. Венгерский лингвист Лоранд Бенкё подсчитал, что во второй половине XVIII в. в свет вышли 34 венгерские грамматик, причем в первые двадцать лет — всего три⁹. В отсутствие общепринятой литературной нормы все они несли печать диалекта, на котором автору привычно было говорить. В них еще трудно угадать языковой стандарт, выработанный лишь во второй четверти XIX в.¹⁰ Не оспаривая справедливости выводов филологов, историки обращают внимание на социокультурную среду, к которой принадлежали авторы грамматик, мотивы, побудившие их взяться за перо, и обстоятельства: как, с чьей помощью рукопись попадала в типографию, в книжную лавку, к читателю.

Первым в ряду изданных в XVIII в. учебников венгерского языка стоит труд Михая Адами (?–1781) «Подробная и снабженная новыми комментариями венгерская грамматика для славной немецкой нации, в особенности для пользы и на службу тем, кто в силу родства, по долгу службы или иным причинам вынужден вести разговор с венгерской нацией» (1760)¹¹. Автор — уроженец комитата Тренчен, в юности вступил в Общество Иисуса, однако в 1740 г. покинул орден, обучал венгерскому языку эрцгерцога Карла (1745–1761), преподавал в действовавшей в Вене под патронатом ниже-австрийских сословий дворянской военной академии, служил придворным агентом (ходатаем), посредничая между частными лицами и административными учреждениями в имперской столице.

В 1751 г. предоставился особый случай, чтобы успехи юного Карла в венгерском языке были явлены на главном сословно-представительном форуме королевства — Государственном собрании. Мария

⁹ Benkő 1960: 322–329; 427–428.

¹⁰ Pelcz 2006; Pelcz 2009.

¹¹ *Adami M.* Ausführliche Und neu erläuterte Ungarische Sprachkunst, Der Hochlöblichen Deutschen Nation zum Besten, Besonders aber zum Nutzen und Dienst derjenigen, so Verwandtschaft, Amts- oder anderer Umstände halber mit den National=Ungarn Umganges pflegen müssen. Verfaßt von Michaël Adámi Wien: gedr. bey den Schilgischen Erben, 1760.

Терезия разыграла настоящее «семейное представление», прибыв в Пресбург (совр. Братислава, Словакия) с тремя сыновьями: десятилетним Иосифом, шестилетним Карлом и четырехлетним Леопольдом (будущим императором Леопольдом II (1790–1792 гг.)). Старший брат обратился к сословиям на латыни, средний — на венгерском языке¹². Впоследствии в «Посвящении» к грамматике М. Адами вознес хвалу языковым талантам маленького ученика, который с честью выдержал публичный «экзамен». В ответ на обращенную к нему речь сословий на венгерском языке мальчик сказал (записано веспремским епископом Мартоном Падани Биро (1693–1762)):

Я премного благодарен достославным сословиям, что вспомнили обо мне и почтили тем, что направили ко мне своего представителя. Буду рад, если смогу отправиться в Пресбург и встретиться с благородными сословиями. <...> Буду и в дальнейшем на сем языке говорить, чтобы стать полезным моему благородному Отечеству, и буду счастлив, коли смогу ему служить¹³.

Идея написания венгерской грамматики принадлежала, по словам Адами, самой Марии Терезии. В одном из писем он цитировал слова императрицы, произнесенные во время посещения военной академии: «У вас, венгров, никогда не было своей полноценной грамматики»¹⁴. В сентябре 1757 г. из кассы Венгерской казенной палаты автору было выплачено 412 гульденов и 50 крейцеров¹⁵, а в 1760 г. в свет вышла первая венгерская грамматика, в которой он, по собственному признанию, стремился побороть широко распространенные «предубеждения» о сложности этого языка:

Еще в годы преподавания в здешней императорско-королевской военной академии я не раз слышал от воспитанников, что из тех пяти иностранных языков, которым их там обучали, венгерский давался особенно легко, поскольку в нем не так много правил, и они весьма ясны, понятны и просты¹⁶.

¹² Szijártó 2005: 135.

¹³ *Padányi Biró M. Veszprémi püspök naplója / közli báró K. Hornig. Veszprém, 1903. 35. old.*

¹⁴ OSZK K. Quart. Lat. 2578. Epistolarium Societatis Jesu. Fol. 6r.

¹⁵ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 871. Kt. 1963. 26. Aug. 1757. Fol. 450r–v.

¹⁶ *Adami M. Vorrede // Idem. Ausführliche und neu erläuterte ungarische Sprachkunst* (пагинация отсутствует).

Изложенная в максимально доступной форме грамматика была ориентирована на молодых дворян, придворных. В примерах склонений, спряжений, глагольных управлений и иных грамматических правил прослеживаются дидактические установки автора: идеалы Просвещения и учености транслировала парадигма глагола «читать» (*olvasni / lesen*), словосочетание «ученый человек» («*sok tudományú ember*» / «*ein Mesch von vieler Wissenschaft*»), о христианском смиреннии — конструкции «сын Божий» (*Isten fia / Sohn Gottes*), «ходить в церковь» (*templomba való járás / das Gehen im Kirchen*), о добродетелях — конструкции типа «трудом» (*munkával / mit einer Mühe*) или «умом» (*elmével / mit dem Witz*). О социальном положении читателей говорили примеры на «я имею» (нем.) / «у меня есть» (венг.): «У меня есть слуги» (*Nekem vannak szolgálaim / Ich habe meine Bediente*) и не в последнюю очередь примеры управления предлогами/послелогами: «закончились деньги, закончилось вино» (*fogy a pénze, bora / das Geld, der Wein geht ihm aus*). Особое внимание уделялось формулам вежливости, таким как «Благослови Господь вашу милость» (*Aldja Isten kegyelmedet / Gott segne Sie*) или «Не гневайтесь на мои слова!» (*Meg-ne ütközzék szavamom! / Stossen Sie sich nicht an meiner Rede mein Herr!*), и выражениям вежливого неудовольствия: «Не дурачьтесь!» (*Ne bolondozz! / Seye kein Naar!*). В параграфе, посвященном порядку слов в именах собственных (по-венгерски сначала фамилия потом имя, по-немецки — имя и затем фамилия) символично выглядит соседство вождя антигабсбургских походов периода Тридцатилетней войны (1618–1648) трансильванского князя Габора Бетлена (*Bethlen Gábor*) и габсбургского генерала, сражавшегося против повстанцев Ференца II Ракоци — графа Яноша Палфи (*Pálfi János*)¹⁷.

Значение того, что грамматика была посвящена эрцгерцогу Карлу, трудно переоценить. По мнению Роже Шартье, посвящение книги монарху служило прекрасным способом снискать его благосклонность. Приняв посвященную или преподнесенную ему книгу, адресат взамен обязан был обеспечить дарителю свое покровительство, должность или вознаграждение¹⁸. Вскоре Адами получил новый заказ — составить венгерско-немецкий словарь. Работа

¹⁷ *Adami M.* Ausführliche und neu erläuterte ungarische Sprachkunst. Правописание и синтаксис сохранены.

¹⁸ Шартье 2006: 87, 96.

растянулась на несколько лет, потому автор не раз просил начислить ему дополнительное вспомоществование сначала за прошедший 1763 г., затем за текущий 1764 г. из расчета 30 гульденов в месяц. В Казенной палате вспомнили, что еще в 1757 г. императрица выделила Адами на покрытие издательских расходов сумму в 100 дукатов, которая так и не была выплачена автору. Посему постановили: пусть эти деньги послужат оплатой труда в 1763 и 1764 г., испрашиваемое же Адами ежемесячное вспомоществование выплачивать с 1 января по 31 июля 1765 г., с тем чтобы уже 1 августа он предъявил бы словарь¹⁹.

Удачный эксперимент 1760 г. с посвящением грамматики одному из членов Габсбургского дома навело на мысль и на этот раз начертать на первых страницах имя сына Марии Терезии — шестилетнего эрцгерцога Фердинанда Карла Антона (1754–1806). Возможно, венгерские власти надеялись, что тот займет место своего умершего в 1761 г. брата Карла. (В 1771 г. лингвист-любитель Янош Фаркаш (1719–1789?), о котором известно крайне мало, написал грамматику венгерского языка и посвятил ее (своему ученику?) эрцгерцогу Фердинанду²⁰.) Книгу Адами предполагалось срочно отпечатать в Пресбурге и, не исключено, приурочить к проходившему там уже не один месяц Государственному собранию. Резолюция государыни гласила: «Одобрю, и пусть цена книге будет по возможности низкой, чтобы она быстрее разошлась». Несмотря на все приготовления и ожидания, словарь, по всей очевидности, так и не был издан. В лексиконе венгерских писателей Йозефа Синнеи упоминается рукопись «венгерско-латинско-немецкого словаря», но ее местонахождение не указано²¹.

Михай Адами остался в истории не столько как автор первой венгерской грамматики, сколько как страстный собиратель сведений по венгерской генеалогии и геральдике. Его объемистые рукописи,

¹⁹ ÖStA. FHKA. HFU. Fasz. r. Nr. 916. Kt. 2036. 16. Dec. 1761. Fol. 359v.

²⁰ *Farkas J., von Farkasfalva et Ujfalu*. Ungarische Grammatick, oder ausführliche Unterweisung, wodurch man die ungarische Sprache in ihrer Vollkommenheit zu lesen, schreiben, und reden, in Kürze begreifen kann. Aus Liebe derjenigen, die zu dieser edlen Sprache eine Neigung zeigen, herausgegeben von Johann Farkas, von Újfal, welcher in Kaiserl. Kénigl. Diensten stehet- Mit allerhöchster Erlaubniß. Wien: Gedruckt und zu finden bey Leopold Johann Kaliwoda auf dem Dominikaner-Platz, 1771. 568 S.

²¹ *Szinnyei J.* Magyar írók élete és munkái. Budapest: Kvk. és Kvtérj. Egyes., 1897. 1. köt. 62–63. old.

хранящиеся в фондах рукописного отдела Венгерской национальной библиотеки, послужили Ивану Надю (1824–1898) основой для ставшего классическим многотомного труда «Семьи Венгрии»²².

«Грамматика чешского языка» Иоганна Венцеля Поля

Иной характер имело взаимодействие с венским двором другого подвижника, Иоганна Венцеля Поля (1720–1790) — автора сочинения «*Grammatica linguae bohemicae*, или чешская грамматика». Этапы его жизненного пути перекликаются с биографией Михая Адами. В 1750-е годы Польше тоже преподавал чешский язык в венской дворянской военной академии и Терезианском коллегииуме Общества Иисуса, выполнял переводы латинских учебников на чешский. Он сумел найти путь ко двору, где ему доверили обучать чешскому языку сыновей Марии Терезии — эрцгерцогов Иосифа и Леопольда²³. Чтобы официально включить Поля в придворный штат и гарантировать ему скромное жалование, его назначили привратником при императорских покоях²⁴. Кстати, на такой же должности в 1770-е годы числился Я. Фаркаш.

Автор «Биографического лексикона Австрийской империи» Константин Вурцбах (1818–1893) называл четыре издания грамматики: в 1756 г. в Праге в свет вышло первое, в 1764, 1773 и 1783 гг. в Вене — последующие три. Издание 1764 г. посвящено св. Вацлаву — канонизированному чешскому королю из династии Пршемысловцев (и тезке автора). Издания 1773 г. и 1783 годов посвящены императору Иосифу II, к которому Польше обратился в предисловии с такими словами:

Я тем более счастлив, что стал инструментом, который донес до Вашего Величества первые сведения о сем древнем иллирском, иначе называемом чешским, языке, и радость моя не знает границ, оттого что ваше величество дозволило мне посвятить вам мою чешскую грамматику и выпустить в свет под вашим высоким покровительством²⁵.

²² Nagy I. Magyarország családai. Czimerekkel és nemzékrendi táblákkal. Pest, 1857–1868. 1.–13. köt.

²³ Newerkla 1999; Berger 2000: 63.

²⁴ См., например, список штата придворных за 1763, 1778 1784 гг.: Kayserlich- und Königlicher- wie auch Erz-Herzoglicher, dann dero Haupt- und Residenz-Stadt Wien Staats- und Standes-Kalender- Wien: Leopold Johann Kaliwoda, 1763. S. 423; 1778. S. 374; 1784. S. 413.

²⁵ Цит. по: Pohl J. W. An den Leser // *Idem*. Grammatica Linguae Bohemicae, Oder Die Böhmishe Sprach-Kunst, Bestehend in vier Theilen, Benanntlich: I. Der

Поль считал достоинством своего учебника то, что никакой другой язык не мог сравниться с чешским «по своей внутренней полноте, чистоте произношения, словарному богатству, выразительности значений». С его помощью, утверждал автор, можно общаться с народами Европы и Азии, всюду, где понимают славянскую речь, из чего следует несравненная польза и для продвижения торговли, и для ведения войны²⁶. Многостраничное пособие включало правила правописания, сведения о частях речи, синтаксисе, произношении с многочисленными примерами. Далее следовали тематические словники. В начале — «О Боге и религиозных вопросах»: «Спаситель» (*Wykupitel / Erlöser*), «небо» (*Nebe / der Himmel*), «язычество» (*Pohanství / das Heidentum*) и пр. Затем «Небесный свод, элементы и время»: «вода» (*Woda / das Wasser*), «земля» (*Zem / die Erde*), «ветер» (*Wětr, wjtr / der Wind*) и т. п.; «О строениях и местах»: монастырь, дворец, цейхгауз, библиотека, типография, корчма, мельница и длинные ассоциативные ряды важнейших существительных к каждому такому понятию. После раздела «О церковных вопросах» со словами «часовня», «молеальный дом», «алтарь», «хор» и пр., имеющими прямое отношение к дому Бога на земле, следовал раздел «О доме и его частях»: «стена», фундамент, «крыша». Зная основные части дома, можно было переходить к разделу «Вещи в комнате», потом — «Вещи в кабинете»: бумага, перо, чернила и т. п., «Вещи на кухне» с перечислением котлов, сковородок, блюд и, наконец, «Вещи в сарае» и «Вещи на конюшне». Здесь воспроизводилась космогоническая картина мира, от божественного к мирскому, от планет на небе и государств на земле к правителям, дворянам, бюргерам и простолюдинам.

Далее следовали разделы, касавшиеся всех и каждого: еда, одежда, вещи в саду, в пивоварне, пекарне, прачечной. Затем автор возвратился к теме социальной иерархии и выделил в особый раздел придворный штат, крестьянский двор, город, крепости и военное

Orthografi, oder Schreib-Kunst. II. Der Ethymologi, oder Wortforschung. III. Der Syntaxi, oder Wörterfügung. IV. Der Prosodi, oder Aussprach-Kunst. Allen Liebhabern, zu einem erforderlichen Werkzeug gefertiget Von Johann Wenzl Pohl, Jur. Pr. und in der Kayserl. Kénigl. Kriegs-Akademie p.t. dieser Spracher Lehrern. Wien, Prague und Triest: Gedruckt und verlegt bey Johann Thomas Trattnern, kaysersl. königl. Hofbuchdr. und Buchhändlern, 1764 (пагинация отсутствует).

²⁶ Ibidem.

дело, сословия в целом, господское сословие, военное сословие, чиновничество, ученых, городское хозяйство, ремесла. Потом шли ассоциативные ряды к понятиям «дружба», «титулатура», «литература». После этого — «Человек и части тела», затем автор от венца творения — человека — переходил к «Животным, птицам и вредным насекомым», с земной тверди — на воду: «О водах, кораблях и рыбах». Животные не как твари божии, но как объект человеческой забавы вновь появлялись в разделе «Охота», от фауны обратно к флоре читателя возвращали разделы «О деревьях, цветах, злаках и кореньях» и «О злаках, овощах и зелени»; с живой природы внимание переключалось на неживую: «О рудах, металлах и прочих минералах». Практически значимые разделы «О счете и монетах», «О цветах», «О весах и мерах», «О коммерции» продолжались темами «Об игре и музыке», «О здоровье, болезнях и недугах», «О преступлении, наказании и раскаянии». Последний и крайне важный раздел назывался «Слова для описания рода, свойств и недостатков». За ним на 428 стр. следовал словник полезных немецких слов в алфавитном порядке с переводом на чешский. Завершался том приложением с короткими несложными диалогами на лексику, изученную ранее²⁷.

С одной стороны, Польш опирался на более ранние опыты предшественников, прежде всего Вацлава Яна Росы (1620–1689). Однако избыточное количество неологизмов и непоследовательность в правописании не понравилось младшим современникам автора — филологам Йозефу Добровскому (1753–1829) и Яну Франтишеку Томсе (1753–1814), которые подвергли неуклюжий учебник Поля резкой критике²⁸. Сто лет спустя К. Вурцбах так отзывался о книге:

Это был формально-грамматический монстр, <...> в котором Польш насоздавал бесчисленное множество ненужных, дутых, смешных неологизмов. Он принадлежал к тем представителям прошлого века, которые хотели придать чешскому языку новый блеск и вообще реформировать его, обогатив иностранными словами, но при этом у них не было ни чувства языка, ни чувства меры²⁹.

²⁷ Pohl J. W. Grammatica Linguae Bohemicae.

²⁸ Newerkla 1999; Newerkla 2000.

²⁹ Wurzbach C., von. Biographisches Lexikon des Kaiserthums Oesterreich, enthaltend die Lebensskizzen der denkwürdigen Personen, welche 1750 bis 1850 im Kaiserstaate und in seinen Kronländern gelebt haben. Wien, 1872. Bd. 23. S. 33.

Есть основания полагать, что грамматика увидела свет не без содействия Иосифа II. Отсутствие источников, документирующих вмешательство августейшего ученика в публикации труда своего учителя, не позволяет реконструировать ход событий во всей полноте и оценить размеры материальной помощи, если таковая была оказана. Известно лишь, что в 1774 г., когда второе венское издание уже вышло в свет, Польш по крайней мере дважды обращался к Марии Терезии с прошениями о возмещении ему издательских расходов в связи с выходом в свет нового, улучшенного издания грамматики, и пытался выхлопотать себе более денежную и престижную должность.

Чиновники финансового ведомства, прежде чем принять решение, отправили учебник на экспертизу владевшему чешским языком «синдику из Нойштадта»³⁰. Отзыв оказался отрицательным. В 1776 г., когда Польш снова решил попытать счастья, президент Придворной казенной палаты граф Леопольд Коловрат написал:

Проситель, будучи камердинером, проходит по ведомству обер-гофмейстера, и каковы его познания в языкознании, лично мне не известно, я знаю лишь, что те, кому его грамматика была направлена на проверку, нашли в ней множество ошибок, отчего Полю в исском денежном вспомоществовании было отказано³¹.

Императрица наложила обычную для таких случаев резолюцию: «Ничего не предпринимать»³².

Представляется, что, с одной стороны, скромный учитель на должности камердинера не смог бы каждые десять лет переиздавать грамматику за свой счет. Наверняка, так или иначе, ему оказывалось содействие. Тем более что посвящение полиграфической продукции государю не могло остаться без той или иной формы благодарности. Польш же для своего труда сумел выхлопотать императорско-королевскую привилегию (документ, призванный защитить авторские права в ту эпоху). С другой стороны, филолог-любитель, похоже, переоценил значение своей скромной работы, а власти — убедившись

³⁰ Предположительно речь идет о Винер-Нойштадте, где с 1752 г. действовала Терезианская военная академия. Ее директор, педагог-реформатор граф Франц Йозеф Кинский (1739–1805) включил в учебные планы чешский язык.

³¹ ÖStA. FHKA. Österreichisches Kamerale. Fasz. 24. Fasz. r. Nr. 1629. № 103 ex Febr. 1774.

³² Ibid. Fasz. 61. Fasz. r. Nr. 2144. № 42 ex Apr. 1776. Fol. 54r.

в сомнительном качестве грамматики — не сочли себя чем-либо ему обязанными. Это не означало, однако, что автор впал в немилость: судя по придворным календарям, он и в 80-е годы XVIII в. служил привратником, а если данные, приводимые Т. Бергером, верны³³, то и обучал чешскому языку сына эрцгерцога Леопольда, будущего императора Франца II (I) (1792–1835).

Азбуки и грамматики для австрийских сербов

1770-е годы вошли в историю как время введения всеобщего начального образования во владениях Австрийского дома. Государство брало на себя ответственность за бесплатное обучение подданных началам чтения, письма и счета³⁴. Не последнюю роль в реализации этого намерения играло развитие языковых знаний и практических навыков у учеников. Утвержденный для полиэтничного Венгерского королевства учебный план «*Ratio educationis*» («Порядок воспитания») предполагал преподавание в начальной школе на семи языках и наречиях населявших его народов: венгерском, немецком, хорватском, словацком, русинском, сербском («расцианском»³⁵) и румынском (валашском) и требовал от гимназистов (в идеале) владения двумя языками, имеющими хождение в стране. В документе говорилось:

Чтобы дети в школе учились так, как того ожидает государство, и проникли в самую суть наук, объяснения должны быть настолько ясными и исчерпывающими, что детям не составляло бы труда их полностью, до мельчайших деталей понять. И тут все едины в том, что это невозможно, если учитель не говорит на языке местного населения³⁶.

Особое место в планах властей занимали грамматики для сербов Австрийской монархии. В Вене и Пресбурге считали, что светское образование на родном языке, но по единым для всего королевства нормативам, станет важным инструментом интеграции этого

³³ Berger 2000: 63.

³⁴ Engelbrecht 1984.

³⁵ *Расцы* (венг. *rácok*, нем. *Raizen*) — эндоэтноним сербов, происходящий от названия средневекового государства и одноименной исторической области Рашка.

³⁶ *Az 1777-iki Ratio Educationis / fordította, bevezetéssel és jegyzetekkel ellátta Firml Aladár.* Budapest: Katolikus Középiszkolai Tanáregyesület, 1913. 100 old.

неграмотного в большинстве своем крестьянского народа, находящегося под сильным влиянием православного духовенства, в единые структуры королевства и монархии в целом³⁷. Австрийский дипломат и государственный деятель барон Иоганн Кристоф Бартенштайн (1689–1767), в 1750-е годы возглавлявший Иллирскую придворную депутацию, посвятил сербскому вопросу сочинение «Краткий отчет о состоянии раздробленной, многочисленной иллирской нации в императорско-королевских наследственных землях» (1761). В нем он признавал, что сербов «мало интересуется высшее образование, их единственная путеводная звезда — свет природы»³⁸.

Власти видели свою задачу в распространении среди массы православных сербов элементарных знаний в объеме начальной школы. Как говорилось в вступлении Придворной казенной палаты на учебник, составленный в 1770 г. по поручению императрицы молодым чиновником Даниэлем Лазарини:

В случае этой, как в вопросах веры, так и по образу жизни в целом довольно первозданной нации, было бы особенно хорошо, чтобы они с самых ранних лет усваивали нужнейшие молитвы, которые суммируют обязанности доброго гражданина, и получали представление о ведении хозяйства и гражданской жизни³⁹.

Книга Лазарини осталась в рукописи, поскольку требовала серьезной доработки. К тому же автор оказался слишком настойчив в требованиях назначить его (в благодарность) на более высокую должность. Зато высказанное в вступлении пожелание — сделать все возможное, чтобы приобщить южных славян к современным формам хозяйствования, скоро было выполнено. Советник Казенной палаты Игнац Ябланицы перевел с немецкого языка на «славонский» пособие для юношества по агрокультуре Иоганна Виганда⁴⁰. Эта работа

³⁷ Подробнее см.: Костяшов 1997.

³⁸ Цит. по изданию 1802 г.: *Bartenstein J. Ch.* Kurzer Bericht von der Beschaffenheit der zerstreuten zahlreichen Illyrischen Nation in kaiserlichen königlichen Erbländern. Leipzig, 1802. S. 105.

³⁹ ÖStA. FHKA. Jüngere Banater Akten. Fasz. 32. Fasz. r. Nr. 140. 50/1770. Fol. 29r.

⁴⁰ Ср.: *Wiegand J.* Handbuch für die österreichische Landjugend zum Unterricht einer wohlgeordneten Feldwirtschaft. Wien, 1774; *Wiegand I.* Priručna knjiga za Slavónsku seljansku mladex úcsitti u dobro naredjenom poljskomu radjenju / Priobratio Ignatia Jablanczy. Wien: Kurzböck, 1772.

была оценена властями в 50 дукатов, с которых автору разрешалось не уплачивать налога⁴¹.

В числе малоизвестных проектов следует упомянуть труд переводчика из Иллирской придворной депутации Саввы Лазаревича, по собственной инициативе написавшего немецкую грамматику для сербов⁴². Похоже, что качество работы тоже не вполне удовлетворило власти. В ноте главы ведомства барона Франца Ксавьера Коллера говорилось:

Поскольку государи заботятся о том, чтобы их милость не оставила без внимания ни одного, даже самого малого начинания, полезного для общего блага, а властям напрямую предписывается сообразным результату вознаграждением поощрять подданных к участию в общественно полезной деятельности, Ваше Величество сооблаговолило выписать автору этой книжечки небольшое вознаграждение (25 дукатов. — *О.Х.*), необременительное для казны, но доказывающее, что государство подмечает все, даже самые скромные заслуги⁴³.

Наконец, подлинный полиграфический шедевр XVIII в. — «Каллиграфия»⁴⁴ с гравюрами выдающегося сербского писателя и графика Захария (Захарие) Орфелина (1726–1785)⁴⁵ вышел в свет в 1778 г. на средства венского двора. Сербская историография, возможно, не без оснований ставила австрийским властям в упрек, что из 47 листов в учебник было решено включить только 17⁴⁶. Однако трудно не согласиться и с мнением барона Коллера, писавшего:

Каллиграфия предназначается всего лишь для школ грамотности, то есть хотя и для достойнейших людей, но выходцев из низших сословий, которых предстоит обучить очень простому, ясному и совершенно примитивному письму. <...> Она не должна отрывать их

⁴¹ ÖStA. FHKA. Ungarisches Kamerale. Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 609. Subd. 2. № 106 ex Aug. 1772. Fol. 112r.

⁴² *Лазаревич С.* Начало учения хотящимъ учиться Книгъ писмены нѣмецкими. Беч, 1774.

⁴³ ÖStA. FHKA. Österreichisches Kamerale. Fasz. 10. Fasz. r. Nr. 664. “L”. № 352 ex Sept. 1774. Fol. 201v.

⁴⁴ *Орфелинъ З.* Славенская и валахийская каллиграфия, или Наставление къ правильному писанию, во употребленіе учащяся въ мальхъ школахъ славено-сербскія и Валахийскія Юности. Сремски Карловци, 1778; Simić 2009.

⁴⁵ Из новейших работ, наиболее полно освещающих разные стороны деятельности З. Орфелина, см.: Симић 2013.

⁴⁶ Давидов 2001: 30, 31.

от обучения гораздо более важным и их состоянию куда более полезным предметам⁴⁷.

Премия в 100 дукатов послужила автору материальным эквивалентом высочайшего удовлетворения качеством его работы.

* * *

Приведенные выше примеры позволяют заключить, что появление в 60–70-е годы XVIII в. большого количества грамматик на разных языках монархии Габсбургов было результатом как подвижнической инициативы «снизу», так и целенаправленной политики «сверху». Простым подданным внушалась уверенность, что, берясь за перо, они могут сослужить похвальную службу своим народу, стране, государю. Надежда на возможную материальную выгоду (будь то гонорар или должность), не должна умалять искренности их порыва. Венский двор, в свою очередь, создавал справедливые условия для конкуренции. Высоко оцененная экспертами грамматика Адами принесла автору почет и растянувшееся на несколько лет денежное содержание. За перевод полезного трактата советнику Ябланци заплатили щедрые 50 дукатов, за менее удачный учебник немецкого языка переводчик Лазаревич был премирован 25 дукатами.

Имена авторов учебников заняли почетное место в справочных изданиях по истории языка⁴⁸; вторую жизнь им подарил интернет: многие сочинения оцифрованы и доступны для исследователей⁴⁹. Первые учебники остаются не только лингвистическими памятниками, отражающими этап эволюции национальных языков, но и срезами социокультурной ситуации, где сочетались идеи христианского смирения, идеалы Просвещения и императив служения «общему благу». Современные ученые обращаются к ним, чтобы отдать должное подвижничеству первопроходцев, их стремлению облегчить общение между народами империи и в конечном итоге внести вклад

⁴⁷ ÖStA. FHKA. Ungarisches Kameral. Fasz. 29. Fasz. r. Nr. 613. Subd. 2. № 114. ex Aug. 1777. Fol. 296r. Текст вогума Иллирской придворной депутации о «Каллиграфии» З. Орфелина см.: Kostić 1925: 155–165.

⁴⁸ Stankiewicz 1984.

⁴⁹ С учебниками М. Адами и В. Поля можно ознакомиться на сайте Австрийской национальной библиотеки, см.: <https://www.onb.ac.at/digitaler-lesesaal> (дата обращения: 12.01.2020).

в формирование общеимперского культурного пространства. Следует помнить, что активным участником, более того — строгим и справедливым арбитром в этом процессе выступил венский двор, иными словами — государство.

Список сокращений

FNKA — Finanz- und Hofkammerarchiv

HFU — Hoffinanz Ungarn

HHStA — Haus-, Hof- und Staatsarchiv

OSZK K — Országos Széchényi Könyvtár Kézirattára

ÖStA — Österreichisches Staatsarchiv, Wien

THL2 — A Magyar Nyelv és Kultúra Tanításának Szakfolyóiraza. Journal of Teaching Hungarian as a 2nd Language and Hungarian Culture

Литература

Давидов 2001 — *Давидов Д.* Захарија Орфелин, 1726–1785. Београд: Народна библиотека Србије, 2001. 89 с.

Костяшов 1997 — *Костяшов Ю. В.* Сербы в Австрийской монархии в XVIII в. Калининград: Калининградский государственный университет, 1997. 220 с.

Симић 2013 — *Симић В. М.* Захарија Орфелин (1726–1785). Докт. дис. Београд, 2013. 316 с. URL: <http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130515SIMIC.pdf> (дата обращения: 16.10.2019) (рукопись).

Шартье 2006 — *Шартье Р.* Письменная культура и общество. М.: Новое издательство, 2006. 272 с.

Adler 1974 — *Adler Ph.* Habsburg school reform among the Orthodox minorities, 1770–1780 // *Slavic Review*. 1974. Vol. 33. № 1. P. 23–45.

Benkő 1960 — *Benkő L.* A magyar irodalmi írásbeliség a felvilágosodás korának első szakaszában. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1960. 548 old.

Berger 2000 — *Berger T.* Tschechischunterricht in der Habsburgerfamilie ab 1526 // *Wiener Slawistisches Jahrbuch*. 2000. Vol. 46. P. 61–71.

Engelbrecht 1984 — *Engelbrecht H.* Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1984. Bd. 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz. 551 S.

Khavanova 2011 — *Khavanova O.* Men of letters between profession and vocation in the eighteenth-century Habsburg Monarchy // *Social Change in the Habsburg Monarchy: The Era of Enlightenment* / ed. by H. Heppner, P. Urbanitsch, R. Zedinger. Bochum: Winkler Verlag, 2011. P. 251–266.

- Kostić 1925 – *Kostić M.* Zacharias Orfein's Kalligraphie // Archiv für Slavische Philologie. Berlin, 1925. Jg. 36. S. 155–165.
- Margócsy 2006 – *Margócsy I.* A magyar nyelv jelenléte a 18. századi iskolázásban. Adattár az iskolai nyelvoktatás történetéhez // Tanulmányok a Magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből / szerk. F. Bíró. Budapest: Argumentum, 2006. 71–151. old.
- Melton 1988 – *Melton J. V. H.* Absolutism and the eighteenth-century origins of compulsory schooling in Prussia and Austria. Cambridge: University Press, 1988. xxiii, 260 p.
- Motley 1990 – *Motley M. E.* Becoming a French Aristocrat. The Education of the Court Nobility 1580–1715. Princeton (NJ): Univ. Press, 1990. xx, 241 p.
- Newerkla 1999 – *Newerkla S. M.* Johann Wenzel Pohl – Sprachpurismus zwischen Spätbarock und tschechischer Erneuerung // Tschechisches Barock: Sprache, Literatur, Kultur / hrsg. von G. Zand, J. Holý. Frankfurt am Main; Wien: Lang, 1999. S. 49–68.
- Newerkla 2000 – *Newerkla S. M.* Tschechischunterricht in Wien und Wiener Neustadt bis 1775 // Wiener Slawistisches Jahrbuch. 2000. Vol. 46. P. 73–84.
- Pelcz 2006 – *Pelcz K.* A nyelvi minták megjelenési formái a 19. század magyar nyelvkönyvekben // THL2. 2006. 1–2. sz. 93–101. old.
- Pelcz 2009 – *Pelcz K.* A 18–19. századi nyelvismeretek betőtanáról és helyesírásról // THL2. 2009. 1–2. sz. 37–48.
- Simić 2009 – *Simić V.* Orphelins Kalligraphie. Reformen des Schulwesens und serbische Gesellschaft in der Habsburgermonarchie des 18. Jahrhunderts // Aufklärung und Kulturtransfer in Mittel- und Osteuropa / hrsg. von A. Pufelska, I. M. D'Aprile. Hannover: Wehrhahn, 2009. S. 133–164.
- Stankiewicz 1984 – *Stankiewicz E.* Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. An annotated bibliography. Berlin: Mouton, 1984. XIII, 190 p.
- Stollberg-Rilinger 2018 – *Stollberg-Rilinger B.* Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie. München: C. H. Beck, 2018. 1083 S.
- Szijártó 2005 – *Szijártó I.* A Diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792. Budapest: Osiris, 2005. 614. old.
- Szili 2019 – *Szili K.* Tudtak-e a magyar királyok magyarul? Adalékok a magyar nyelv státuszának kérdéséhez a királyi udvarokban // Magyar Nyelv. 2019. 115. sz. 36–46. old. DOI: 10.18349/MagyarNyelv.2019.1.36
- Tanzmeister, Uttenhalter 1993 – *Tanzmeister R., Uttenhalter G.* Die Habsburger und ihre Sprachen. Quo vadis Romania? Zeitschrift für eine aktuelle Romanistik. 1993. Hf. 2. S. 52–67.

References

- Adler, Ph., 1974. Habsburg school reform among the Orthodox minorities, 1770–1780. *Slavic Review*, 33, 1, pp. 23–45.
- Benkő, L., 1960. *A magyar irodalmi írásbeliség a felvilágosodás korának első szakaszában*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 548 p.
- Berger, T., 2000. Tschechischunterricht in der Habsburgerfamilie ab 1526. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 46, pp. 61–71.
- Chartier, R., 2006. *Pis'mennaia kul'tura i obshchestvo* [Written culture and society]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 272 p.
- Davidov, D., 2001. *Zaharije Orfelin, 1726–1785*. Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 89 p.
- Engelbrecht, H., 1984. *Geschichte des österreichischen Bildungswesens. Erziehung und Unterricht auf dem Boden Österreichs, 3. Von der frühen Aufklärung bis zum Vormärz*. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 551 p.
- Khavanova, O., 2011. Men of letters between profession and vocation in the eighteenth-century Habsburg Monarchy. In: Heppner, H., Urbanitsch, P., Zedinger, R. *Social change in the Habsburg Monarchy: The era of Enlightenment*. Bohum: Winkler Verlag, pp. 251–266.
- Kostiashov, Iu.V., 1997. *Serby v Avstriiskoi monarkhii v 18 veke* [Serbs in the Austrian monarchy in the eighteenth century.]. Kaliningrad: Kaliningradskii gosudarstvennyi universitet, 220 p.
- Kostić, M., 1925. Zacharias Orfelin's Kalligraphie. *Archiv für Slavische Philologie*. Berlin, 36. pp. 155–165.
- Margócsy, I., 2006. A magyar nyelv jelenléte a 18. századi iskoláztatásban. Adattár az iskolai nyelvoktatás történetéhez. In: Bíró, F., ed. *Tanulmányok a magyar nyelv ügyének 18. századi történetéből*. Budapest: Argumentum, pp. 71–151.
- Melton, J. V.H., 1988. *Absolutism and the eighteenth-century origins of Compulsory schooling in Prussia and Austria*. Cambridge: University Press, xxiii, 260 p.
- Motley, M.E., 1990. *Becoming a French aristocrat. The education of the court nobility 1580–1715*. Pinceton (NJ): Univ. Press, xx, 241 p.
- Newerkla, S. M., 1999. Johann Wenzel Pohl – Sprachpurismus zwischen Spätbarock und tschechischer Erneuerung. In: Zand, G., Holý, J., eds. *Tschechisches Barock: Sprache, Literatur, Kultur*. Frankfurt am Main; Wien: Lang, pp. 49–68.
- Newerkla, S. M., 2000. Tschechischunterricht in Wien und Wiener Neustadt bis 1775. *Wiener Slawistisches Jahrbuch*, 46, pp. 73–84.
- Pelcz, K., 2006. A nyelvi minták megjelenési formái a 19. század magyar nyelvkönyvekben. *THL2*, 1–2, pp. 93–101.
- Pelcz, K., 2009. A 18–19. századi nyelvismeretek betőtanáról és helyesírásról. *THL2*, 1–2, pp. 37–48.
- Simić, V., 2009. Orphelins Kalligraphie. Reformen des Schulwesens und serbische Gesellschaft in der Habsburgermonarchie des 18. Jahrhunderts. In:

- Pufelska, A., D'Aprile, I. M., eds. *Aufklärung und Kulturtransfer in Mittel- und Osteuropa*. Hannover: Wehrhahn, pp. 133–164.
- Simić, V. M., *Zaharija Orfelin (1726–1785). Dokt. dis.* Beograd, 2013. 316 p.
URL: <http://doiserbia.nb.rs/phd/fulltext/BG20130515SIMIC.pdf> (accessed: 16.10.2019). (manuscript).
- Stankiewicz, E., 1984. *Grammars and dictionaries of the Slavic languages from the Middle Ages up to 1850. An annotated bibliography*. Berlin: Mouton, XIII, 190 p.
- Stollberg-Rilinger, B., 2018. *Maria Theresia. Die Kaiserin in ihrer Zeit. Eine Biographie*. München: C. H. Beck, 1083 p.
- Szijártó, I., 2005. *A Diéta. A magyar rendek és az országgyűlés 1708–1792*. Budapest: Osiris, 614 p.
- Szili, K., 2019. Tudtak-e a magyar királyok magyarul? Adalékok a magyar nyelv státuszának kérdéséhez a királyi udvarokban. *Magyar Nyelv*, 115, pp. 36–46.
DOI: 10.18349/MagyarNyelv.2019.1.36
- Tanzmeister, R., Uttenhalter, G., 1993. Die Habsburger und ihre Sprachen. *Quo vadis Romania?* Zeitschrift für eine aktuelle Romanistik, 2, pp. 52–67.

Olga V. Khavanova

Dr. Sc., Deputy Director, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. 119334, Leninsky Prospekt, 32A. E-mail: austrian.centre.inslav@gmail.com

First grammar books in the Habsburg Monarchy: individual initiative and regulatory interference by the state (1760s–1770s)

The second half of the eighteenth century in the lands under the sceptre of the House of Austria was a period of development of a language policy addressing the ethno-linguistic diversity of the monarchy's subjects. On the one hand, the sphere of use of the German language was becoming wider, embracing more and more segments of administration, education, and culture. On the other hand, the authorities were perfectly aware of the fact that communication in the languages and vernaculars of the nationalities living in the Austrian Monarchy was one of the principal instruments of spreading decrees and announcements from the central and local authorities to the less-educated strata of the population. Consequently, a large-scale reform of primary education was launched, aimed at making the whole population literate, regardless of social status, nationality (mother tongue), or confession. In parallel with the centrally coordinated state policy of education and language-use, subjects—both language experts and amateur polyglots—joined the process of writing grammar books, which were intended to ease communication between the different nationalities of the Habsburg lands. This article considers some examples of such editions with primary attention given to the correlation between private initiative and governmental policies, mechanisms of verifying the textbooks to be published, their content, and their potential readers. This paper demonstrates that for grammar-book authors, it was very important to be integrated into the patronage networks at the court and in administrative bodies and stresses that the Vienna court controlled the process of selection and financing of grammar books to be published depending on their quality and ability to satisfy the aims and goals of state policy.

Keywords: Mihály Adami, Johann Wenzel Pohl, Zaharije Orfelin, Empress-Queen Maria Theresa, Vienna court, language situation in the Habsburg lands, patronage networks